

БЛОКАДА

ЮЛИЯ КАНТОР

«ТЕПЕРЬ ЗАПРЕЩЕНО СЛОВО „ДИСТРОФИЯ“»

К 8 сентября (день начала блокады) 1941 г. численность населения Ленинграда составляла 2 457 605 чел.¹ В первый день войны, 22 июня, здесь проживало 2 812 134 чел. — взрослого населения 2 221 031, детей 591 603.²

На 21 июня 1941 г. на ленинградских складах имелось муки, включая зерно, предназначенное для экспорта, на 52 дня, крупы — на 89 дней, мяса — на 38 дней, масла животного — на 47 дней, масла растительного — на 29 дней. До начала блокады в город успели доставить свыше 60 тыс. т зерна, муки и крупы из Ярославской и Калининской областей, около 24 тыс. т зерна и муки из портов Латвии и Эстонии.³ Принятое в конце августа постановление Комиссии ГКО о необходимости создания к 1 октября 1941 г. полуторамесячного запаса продовольствия⁴ было заведомо невыполнимым — начиналась блокада. Практическое значение имело лишь решение прекратить коммерческую торговлю продуктами питания, нормировать отпуск чая, яиц, соли, мыла: еще в июле спрос на эти продукты достиг 500 % от довоенного уровня, и к августу уже ощущалась их острая нехватка.

«Цепко держалась иллюзия (причем одновременно с ожиданием самого худшего), что скоро каким-то чудесным образом „все станет на место“. Психологическое состояние неожиданности растянулось на месяцы. Хотя, казалось бы, это состояние моментальное. Неожиданность — длилась».⁵

О блокаде населению не сообщалось.⁶ Более того, 13 сентября, пять дней спустя после того как кольцо вокруг города окончательно замкнулось, газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение ТАСС, в котором заместитель наркома иностранных дел, заместитель начальника Совинформбюро А. Лозовский заявил: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением».⁷

Юлия Зораховна Кантор — историк и публицист, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Доктор исторических наук. Живет в С.-Петербурге.

Но к подобным сообщениям население относилось критично. Ольга Берггольц записала в этот день в дневнике: «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осажден, Киев осажден, Одесса осаждена. Ведь немцы все идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше — ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, — к нашему правительству... Это называлось: „Мы готовы к войне“. О сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!».⁸

8 сентября на город, по официальным данным, было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб, в результате чего возникло 183 пожара. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им. Бадаева, где сгорела значительная часть имевшегося в городе продовольствия. (Значительная, но отнюдь не вся, как впоследствии утверждалось партийным руководством, таким образом объяснявшим причины катастрофы с продовольствием.) На Бадаевских складах сгорело около 40 помещений, в которых находилось 3 тыс. тонн муки и 2,5 тыс. тонн сахара (запасы города на 1—3 дня по действовавшим нормам).⁹ До 1 тыс. тонн горелой муки и до 900 тонн горелого сахара в дальнейшем были переработаны пищевыми предприятиями. В сознании ленинградцев пожар на Бадаевских складах стал символом начала голода 1941—1942 гг., однако версия о том, что именно этот пожар был главной причиной бедствий осени—зимы 1941—1942-го, не соответствует действительности. Бадаевские склады были единственным хранилищем продовольствия для второго по величине города Советского Союза, но продовольствия в них было по довоенным нормам лишь на несколько дней. Мегполис в мирное время питался с колес. Запасы продовольствия после пожара на Бадаевских складах были рассредоточены по всему городу. Была ликвидирована коммерческая торговля. Для выпечки хлеба стали использовать все сырьевые ресурсы, которые можно было смешивать с мукой. С 6 сентября хлеб выпекался с примесями ячменной и овсяной муки, а затем с примесями отрубей, соевой муки и жмыхов, что резко снизило питательные качества хлеба.¹⁰

30 августа ГКО принял постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которое предусматривало доставку в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего водным путем через Ладожское озеро. Было принято также решение о снижении хлебных норм в Ленинграде. Со 2 сентября рабочие и инженерно-технические работники получали 600 г, служащие — 400 г, безработные и дети — 300 г хлеба.

Положение становилось все более напряженным, и 11 сентября пришлось вторично снизить нормы выдачи продовольствия ленинградцам: хлеба — до 500 г для рабочих и инженерно-технических работников, до 300 г — для служащих и детей, до 250 г — для иждивенцев; были также снижены нормы выдачи крупы и мяса. Проведенный 10 и 11 сентября вторичный учет продуктов питания показал, что для обеспечения войск и населения по новым установленным карточным нормам в Ленинграде имелись запасы зерна, муки и сухарей на 35 суток, крупы и макарон — на 30 суток, мяса и мясопродуктов — на 33, жиров — на 45 суток, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток.¹¹ Ситуация продолжала стремительно ухудшаться. Поступление продовольствия в Ленинград шло в крайне ограниченных размерах, не только не компенсировавших недостаток, но и неуклонно уменьшавшихся.

«Совершенно секретно

7 ноября 1941 года.

Продовольственные фонды Ленинграда крайне ограничены, запасы основных продовольственных товаров составляют:

муки — 12 000 тонн, или на 15 дней;

крупы и макарон — 5000 тонн, или на 16 дней;

сахару — 4700 тонн, или на 35 дней;

жиров — 2300 тонн, или на 2,2 дня.

Мяса и мясопродуктов нет, оставшиеся запасы мяса обеспечивают потребность воинских частей только на 6 дней». ¹²

В течение двух декад октября, при необходимом для обеспечения установленных норм расходе хлеба в количестве 13 713 тонн муки, в Ленинград ее поступило лишь 3650 тонн, то есть в четыре раза меньше. ¹³ С доставкой в Ленинград мяса и маслопродуктов положение в декабре 1941 г. было катастрофическим. При норме выдачи во второй декаде октября 650-тонн жиров в блокированный город прибыло в три с лишним раза меньше — 180 тонн. Рыба в Ленинград вовсе не поступала. ¹⁴

Руководство города в очередной — уже четвертый за два с небольшим месяца — раз снизило нормы выдачи продовольствия населению. С 13 ноября рабочие получали 300 г, а остальное население — 150 г хлеба. Но и это не помогло: продовольственный поток в мегаполис практически прекратился. И через неделю, чтобы не прекратить выдачу хлеба совсем, Военный совет Ленинградского фронта был вынужден принять решение о сокращении и без того голодных норм. С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за все время блокады — 250 г рабочим и 125 г всем остальным. ¹⁵

На таком фоне рефрен спецсообщений ленинградского УНКВД в Москву, на Лубянку: «Снижение норм выдачи хлеба сопровождалось большой разъяснительной работой среди трудящихся города <...>. Последнему снижению норм (250 гр. рабочим, 125 гр. служащим и иждивенцам) предшествовала большая разъяснительная работа» ¹⁶ — выглядит беспомощно.

Из воспоминаний Г. Канаевой, работавшей в блокаду технологом на хлебокомбинате: «Мы растягивали запасы муки как могли — клали всего 40 %. Остальное — примеси: жмых, целлюлоза, овсянка, солод. Изошрялись до того, что вымачивали пустые мешки и осадок добавляли в хлебную массу». ¹⁷

Под руководством секретаря горкома партии П. Г. Лазутина, сообщала в этот период «Ленинградская правда», были организованы использование и учет всех эрзац-продуктов: над городом нависал голод. На мельницах соскребали мучную пыль, трясли мешки; на пивзаводе из-под пола откачали более 100 т солода; в порту нашли 2000 т бараньих кишок; в железнодорожных тупиках извлекли из вагонов 1000 т жмыха (его в Ленинграде называли дурандой), 500 т муки, 100 т трески, 30 т масла. Целлюлоза с завода им. С. Разина пошла на выращивание дрожжей, а из них делали «дрожжевой суп»; из кормовой сои делали молоко для детей, а отжимки (их называли шротами) шли на запеканки, биточки. ¹⁸ Все шло в переработку: рис-лузга, кукурузные ростки, отсевы, столярный клей, жи-шкурки — надо было кормить армию, рабочих, ПВО, население... До конца 1941 г. в питание было пущено 18 000 т суррогатов. А в Ленинграде на 1 октября было выдано продовольственных карточек 2 544 000, в том числе детских 400 000, да в пригородах внутри кольца блокады оставались 343 000 человек. ¹⁹

Зима 1941—1942 гг. была страшно суровой: температура воздуха колебалась в декабре—феврале от минус 20 до минус 32 градусов, в квартирах, даже обо-

греваемых «буржуйками», зимой она редко была плюсовой. Электричество было отключено, канализация не работала уже с декабря 1941 г.

«12 января 1942 г.

Начиная с третьей декады декабря 1941 г. продуктовые карточки населения Ленинграда полностью не отовариваются. Кроме хлеба <...> население никаких продуктов не получает».²⁰

Сотрудники НКВД в донесениях в Москву фиксировали «наиболее типичные» высказывания горожан. «Наш любимый Ленинград превратился в свалку грязи и покойников»; «что глядят наши руководители, вся земля усеяна трупами»; «о людях этого города не заботятся и оставили его на произвол судьбы»; «Ленинград стал моргом, улицы стали проспектами мертвых»; «народ голоден, а правительство никакой помощи народу не оказывает и в нужды народа не вникает. Руководящие работники питаются хорошо и не видят, что наши дети голодают».²¹ И действительно, городское и областное руководство продовольственной проблемы на личном опыте не испытывало: «В правительственной столовой (Смольного. — Ю. К.) было абсолютно все, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки», — вспоминал Г. Петров, сотрудник столовой Смольного.²² Подобного рода роскошь была привилегией отнюдь не только партийной верхушки, она была доступна представителям и более низких ступеней партийной номенклатуры — райкомовским и райисполкомовским работникам. И пользовались они этой привилегией без малейшего стеснения, получая в качестве бескарточного питания в своих ведомственных столовых не только консервы и шоколад, но и даже — правда, к праздникам — зернистую икру. В одну только райисполкомовскую столовую Приморского района «трестом столовых перед ноябрьскими праздниками было отпущено специально для столовой № 13 — 10 кг шоколада, 8 кг зернистой икры и консервы».²³ Но этого оказалось мало, и 6 ноября из РК ВКП(б) звонили директору столовой В. (все фамилии в документе приведены полностью. — Ю. К.), требуя предоставления еще шоколада.²⁴ Авторы спецсообщения делают ремарку: «Сейчас нет возможности выдавать <...> пирожное, — а пред. Райисполкома Б. в начале ноября звонил Т.: „достать ему 20 штук пирожных“, что последним было выполнено».²⁵

А обычные ленинградцы в этот же период ежедневно тысячами умирали от дистрофии. «Мы делали из пайки 125 г шестнадцать сухариков, сушили их на буржуйке и делили на три раза: пять, пять и вечером шесть (два-три с собой в бомбоубежище на ночь). Дома были довоенные соль, лавровый лист, специи и то, что давали по карточкам: „за мясо“ давали студень; „за масло“ — шпик, 300 г за килограмм; яичный порошок — 170 г за килограмм. Но все это уже в ноябре было с перебоями».²⁶ «За» — это «вместо», иными словами, даже положенное по карточкам приобрести было уже невозможно.

Стоит ли удивляться тому, что спецслужбы фиксировали рост «отрицательных настроений», цитируя в спецсообщениях, отсылаемых на Лубянку, наиболее типичные высказывания: «Жизнь в Ленинграде с каждым днем ухудшается. Люди начинают пухнуть, так как едят горчицу, из нее делают лепешки. Мучной пыли, которой раньше клеили обои, уже нигде не достанешь».²⁷

«Теперь запрещено слово „дистрофия“ — смерть происходит от других причин, но не от голода! О, подлецы, подлецы!»²⁸ — не сдерживала негодования Ольга Берггольц.

Из справки Управления НКВД по Ленинградской области о смертности населения по состоянию на 25 декабря 1941 г.:

«Если в довоенный период в городе в среднем ежемесячно умирало до 3500 чел., то за последние месяцы смертность составляет:

- в октябре — 6199 чел.,
- в ноябре — 9183 чел.,
- за 25 дней декабря — 39 073 чел».²⁹

В течение декабря смертность, основной причиной которой было истощение, возрастала. Справка ленинградского УНКВД о смертности населения Ленинграда по состоянию на 25 декабря 1941 г.:

- «1 — 10 декабря — 9541 чел.;
- 11 — 20 декабря — 18 447 чел.;
- 21 — 25 декабря — 11 085 чел.».³⁰

Если в декабре 1941 г. в городе умерло 52 612 чел., то за 25 дней января умерло 77 279 чел. Динамика «шагов» смерти от голода была чудовищной:

- «1-я декада января — 28 043 чел.;
- 2-я декада января — 32 070 чел.;
- 5-я пятидневка — 17 166 чел.».³¹

В январе в течение нескольких дней ленинградцы не могли получить по карточкам даже хлеб: его в городе просто не выпекали, по официальным данным из-за отсутствия электричества. (Лишь двое суток спустя городское руководство догадалось вместо хлеба начать выдачу муки.) И смертность сделала очередной чудовищный рывок. Если в январе 1941 г. в Ленинграде умерло 4211 чел., то в декабре 1941 г. — 52 612 чел.; в январе 1942 г. — 96 751 чел. За 10 дней февраля 1942 г. — 36 606 чел.³² Следовательно, в день умирало более 3600 чел.

Для рабочих и служащих стратегически важных предприятий города были открыты лечебные стационары, где они, сдав свои продовольственные карточки, в течение 8—10 дней получали трехразовое питание. В январе 1942 г. в условиях почти полной остановки Кировского завода начальники цехов и отделов имели право давать нуждавшимся и истощенным работникам длительные и кратковременные отпуска за свой счет. За исключением лиц, переведенных на казарменное положение, все работники могли являться на завод один раз в 2—3 дня.³³

Одним из самых страшных свидетельств блокады являются детские впечатления. В музее Политической истории есть подборка детских воспоминаний и писем, ранее находившаяся в спецхране. «Однажды ночью я проснулась. Было очень тихо. Мама лежала рядом, такая молчаливая, страшная. „Мама“, — позвала я. Она не откликнулась. Я закричала. Я протянула руку, а она уже холодная. Я никому ничего не сказала, так и пролежала до самого утра. Что было дальше, я не помню, я сильно заболела сама. Меня устроили сюда. Здесь мне хорошо, но я еще почти не могу ходить. Рита Гельман», — записано воспитательницей детдома 25 марта 1942 г. Еще одно воспоминание: «К весне папа и мама стали болеть. Им становилось все хуже и хуже. Вскоре умер папа, через несколько дней — мама. Я жила целый месяц одна в своей комнате. Было тяжело на иждивенческие карточки. Я голодала, опухла». «Чего я только поел за эти два месяца — декабрь и январь. Ел не только дуранду (жмых. — Ю. К.), которая считалась лакомством, но и другие вещи вроде столярного клея». «Дорогая Татьяна Александровна! Пишет вам бывший воспитанник Васильев Максим. О том, что убили папу, я говорил вам еще в школе, в декабре 41-го. Потом заболела мама и слег Жоржик (младший брат. — Ю. К.). Я тоже все больше лежал, но оказался сильнее их. Ходил

за хлебом, жег мебель и изредка топил печку. Маме все делалось хуже, и она умерла. Мне было почти все равно... Очень пугало, как я увезу ее, когда у меня совсем нет сил. Все-таки увязал ее в одеяло и повез. Когда вернулся с кладбища, то увидел, что за это время Жоржик тоже умер. Отвез и его...»³⁴

В домах и на улицах лежали тысячи незахороненных трупов. Жители были не в состоянии даже отправить их в морги. «Смерть бушует в городе. Он уже начинает пахнуть как труп... Даже экскаваторы не справляются с рытьем могил. Трупы лежат штабелями, целые улицы и переулки из штабелей трупов. Между этими штабелями ездят грузовики с трупами же, ездят прямо по свалившимся сверху мертвецам, и кости их хрустят под колесами грузовиков», — записала Ольга Берггольц.³⁵

С ноября 1941 г. бойцы МПВО стали собирать трупы на улицах, а позднее вместе с дружинниками Красного Креста стали с этой целью обходить квартиры. Подходы к кладбищам были завалены трупами, завернутыми в простыни. Мертвых стали хоронить в братских могилах, которые отрывались экскаваторами и при помощи взрывчатки. В первую блокадную зиму захоронением погибших от голода ежедневно занимались около 4 тыс. бойцов МПВО, подрывников, рабочих фабрик и заводов.³⁶

Военный совет Ленинградского фронта своим решением от 18 октября 1942 г. обязал Управление продторгами и «Ленглавресторан» принять на хранение неприкосновенный запас продовольствия, рассредоточив его в помещениях торговой сети и сети общественного питания. В связи с этим решением рассредоточено продовольствие Управлением продторгами — в 370 помещениях 6 823 тонны, «Ленглаврестораном» — в 300 помещениях 3918 тонн. Всего в 670 помещениях — 10 741 тонна.³⁷

Управлением НКВД с участием представителей Санитарного надзора в январе 1943 г. было произведено обследование состояния хранения НЗ продовольствия в 65 помещениях. Результаты его были ошеломляющими — выяснилось, что то, что могло спасти жизни тысячам людей, то, что в Ленинграде стоило дороже золота, было попросту приведено в негодность. Вот лишь фрагменты отчета по итогам обследования.

«Обследованием установлено, что в 39 помещениях, ввиду непригодности кладовых несоблюдения требований санитарного надзора и непринятия своевременных профилактических мер, хранимый неприкосновенный запас продовольствия подвергнут порче, повреждается грызунами. В ряде кладовых некоторые продовольственные товары из-за плохого хранения приведены в негодное состояние.

Красногвардейский район: в магазине 10 сливочное масло подвергнуто порче, в двух ящиках покрыто плесенью глубиной до 1 ½ см. В магазине № 18 ряд ящиков с сухофруктами разбит, в углах ящиков имеется плесень. Октябрьский район: в магазине № 82 2671 кг риса и 2669 кг гороха заражены клещом. Фрунзенский район: в магазине № 1 хранимые 11 661 кг сухарей имеют 14 % влажности, в связи с чем их дальнейшее хранение недопустимо. 33 198 кг гороха издают прелый запах. Выборгский район: в магазине № 47 в мешках хранится 39 183 кг сухарей, большая часть мешков разорвана крысами. Сухари покрыты пылью и пометом грызунов. В хлебобулочном магазине № 649 Дзержинского района испорчено 306 кг сахара, 320 кг сухофруктов, 20 кг шоколаду и др. В столовой № 25 Куйбышевского района хранится свыше 16 тонн сельдей, часть которых находится в разбитых бочках без рассола.

Начальник управления НКВД ЛО Комиссар госбезопасности Кубаткин».³⁸

Вряд ли стоит комментировать этот документ, являющийся доказательством преступления.

В советское время о ленинградской эпопее говорили и писали в патетических тонах, акцентируя внимание на обороне и борьбе, на подвиге ленинградцев. Но в тени, а точнее под запретом цензуры, оставалась трагедия блокадной повседневности, без понимания и «прочувствования» которой невозможно оценить и масштабы ленинградского подвига. «Для правдивого слова о Ленинграде еще не пришло время. Придет ли оно вообще?» — с горечью задавалась вопросом в дневниках Ольга Берггольд. Время пришло.

¹ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 18. Л. 29.

² Там же. Л. 25.

³ Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / Дзенискевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Цамутали А. Н., Шишкин В. А. Л., 1970. URL: <http://militera.lib.ru/h/leningrad/04.html> (дата обращения: 22. 09. 2018).

⁴ Богданов И. Ленинградская блокада от А до Я. СПб., 2010. С. 19.

⁵ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Ч. 1 / URL: <http://tululu.org/read13358/29/> (дата обращения: 22. 09. 2018).

⁶ Ковальчук В., Рупасов А., Чистяков А. 8 сентября 1941 г.: формирование исторической памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: материалы международной науч. конф. СПб., 2010. С. 89.

⁷ Ленинградская правда. 1941. 13 сентября.

⁸ Ольга. Запретный дневник. Ольга Берггольд. Дневники, документы, материалы следственного дела. СПб., 2010. С. 62—64.

⁹ Чистяков А. Ю. Бадаевские склады // Энциклопедия Санкт-Петербурга: энциклопедический словарь. URL: <http://www.encyspb.ru/object/2804035079?dv=2853931022&lc=ru> (дата обращения: 22. 09. 2018).

¹⁰ Непокоренный Ленинград. URL: <http://militera.lib.ru/h/leningrad/04.html> (дата обращения: 22. 09. 2018).

¹¹ Там же.

¹² Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 24.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 38, 51.

¹⁷ Московский комсомолец. 2006. 13 сентября.

¹⁸ Милова И. Ю. Моя блокада // История Петербурга. 2009. № 1 (47)/2009. С. 70.

¹⁹ Там же.

²⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 115.

²¹ Там же. Л. 25, 141, 142.

²² Богданов И. Указ. соч. С. 272.

²³ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 97.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Милова И. Ю. Указ. соч. С. 72.

²⁷ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 27.

²⁸ Ольга. Запретный дневник. С. 89.

²⁹ Ломагин Н. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб., 2002. С. 236.

³⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 101.

³¹ Там же. Л. 142.

³² Там же. Л. 181.

³³ 900 героических дней. М.; Л., 1966. С. 178.

³⁴ ГМП ИР Ф II 30424/1-9.

³⁵ Ольга. Запретный дневник. С. 82.

³⁶ Непокоренный Ленинград. URL: <http://militera.lib.ru/h/leningrad/05.html> (дата обращения: 22. 09. 2018).

³⁷ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 349.

³⁸ Там же. Л. 349, 349 об., 352.